

КВЕСТ И КРЕСТ

Матвей Раздельный — реально поэтический уникум. Так, как он, — точно никто не пишет. Его точно ни с кем не спутаешь.

В чём случай Раздельного.

Он поэт, в целом чуждый музыкальности; вообще же он — литературный критик.

Но если брать шире, Раздельный — настойчиво мыслящее существо и катализатор важных вещей. Библиографий, например. Исторических совпадений. Литературных парадоксов.

В этом он дока.

В какой-то момент Раздельный догадался, что если процесс создания каталогов рифмовать, случается неожиданный эффект.

Мысль заостряется. Каталоги важных вещей вдруг становятся увлекательным чтением, а не набором серых карточек.

Матвей начал сочинять стихи как своеобразные шарады, как кроссворды, которые он создаёт и тут же, в пределах стихотворения, разгадывает.

Поэзия, однако, не может совсем без музыки и не умеет без трагики. Лирическая нота всё равно должна звенеть вдали тонко и томительно, пусть даже еле слышно.

И тогда Матвей отправился на Донбасс, служить.

Возможно, та самая нота его и позвала.

Говорят, что поэты обладают высокой интуицией, умеют предчувствовать.

Глядя на нынешних поэтов, я сплошь и рядом в данном утверждении сомневаюсь, но в случае с Матвеем — всё сработало безупречно.

Он поехал и превратил свою околотитурную жизнь — в судьбу.

Он попал на крючок, который сам себе и забросил.

В Донецке Раздельный, до сих пор писавший свои интеллектуальные каталоги исключительно от ума, создал... ну, назовём это — сердечный каталог.

Он отслужил положенное.

Он похоронил нескольких товарищей.

Он влюбился.

И вдруг стремительно, на глазах разом вырос в поэта.

Так живущий без воды Донецк — оросил его конкретный дар и родил настоящее явление культуры.

Да, всякое любовное стихотворение Раздельного выглядит, как и прежде, неким интеллектуальным квестом — но, друзья мои, там такая страсть за всем этим, такая мука.

Если поэты по привычке «радость» и «печаль» составлять из привычных вещей вроде «дождей» и «закатов», то Раздельный лирику конструирует из всего своего огромного литературоведческого словаря сразу.

Почти не запинаясь, рывками переходя от парадокса к парадоксу, Матвей стал мастером в создании пронзительной антилирической лирики.

...Ну и, кроме всего прочего, за всем этим, человеческим языком говоря, просто интересно наблюдать.

За чем, спросят меня?

За тем, как бывший литкритик, доброволец Раздельный влюбился в русскую поэтессу Анну Ревякину.

И чувство это перестало быть личной историей, на глазах став фактом русской литературы.

Захар Прилепин

ОТ АВТОРА

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой не просто совокупность стихов, написанных мной с сентября 2024 года по ноябрь 2025-го, но своего рода поэму в письмах.

Когда я уезжал служить в отряд «Родня», то не планировал конвертировать своё участие в специальной военной операции на Украине в поэтический или какой-либо иной материал, однако жизнь распорядилась иначе.

Перед вами 43 стихотворения (точнее 42, ибо самое первое было написано в моём родном городе Владимире), сочинённых как непосредственно в расположении отряда, так и за его пределами — в статусе новообретённого мирного жителя города Донецка.

Некоторые стихи имеют прямого адресата, некоторые являются специфическими дневниковыми записями или лирическими отступлениями.

При этом все тексты аугаются друг с другом, имеют сквозных персонажей и связаны определёнными чувственными, сюжетными, идеологическими нитями.

Неслучайно данный сборник назван «Doctrina Donesciana», то есть «донецкая доктрина», ведь он включает в себя не только хронику инициации

«среднерусского варяга» сражающимся Донбас-сом, но и систему ценностей, отчасти привезённую с собой, отчасти скорректированную новой для меня (хотя и кровнородственной согласно генеалогическому древу) географией.

Здесь представлена донецкая тетралогия: Донецк советский, Донецк православный, Донецк воюющий и Донецк литературный, выраженный в главном поэтическом голосе Донбасса — Анне Ревякиной.

Имея одной из целей запечатлеть родню в узком и широком смыслах этого слова, героев, живых и мёртвых, с которыми мне довелось обменяться ли рукопожатием, сидеть ли в одном блиндаже или заступать в наряд, я выражаю отдельную благодарность талантливому графику Алисе Бошко, которая при иллюстрировании моих текстов стремилась к максимальной документальности (опираясь на предоставленные мной фотографии и видео), не отменяющей её творческого видения.

А теперь к делу.

Матвей Раздельный

DOCTRINA DONESIANA

Посвящается Анне Ревякиной

* * *

На сцене, что знала водолазкинского «Лавра»,
донбасская скалолазка воспела век из кевлара.

Она, впрочем, не по скалам,

а по «всего-то холмам»

взбиралась на литературный олимп.

Слышь, мам?

Пока мама была жива, смотрела по телевизору
сериал, где Борман в исполнении Визбора
говорил: «В своё время мы подумаем

и об этом», —

а потом переключала на передачу

с донецким поэтом

по имени Анна — аналитическую передачу,
в которой политологи до сих пор

обо всём судачат.

Мама говорила, что дончанка ей

напоминает учителя

советской школы, когда Бог был ещё

расточителен

на талантливых небодержцев

из ленинской Атлантиды,

когда люди в театрах знакомились,

а не в «Тиндере».

И я собирал стихи Анны, как Горький — нэцкэ,

а затем началась СВО, и я сам оказался в Донецке